

Обращение Адольфа Гитлера к немецкому народу в связи с началом войны против Советского Союза 22 июня 1941 года в 5.30 утра

Германский народ!

Национал-социалисты!

Обремененный тяжкими заботами, принужденный молчать месяцами, я дождался часа, когда, наконец, могу говорить открыто.

Когда 3 сентября 1939 г. Англия объявила войну Германии, снова повторилась попытка англичан уничтожить всякое начало консолидации, а с нею и возрождение Европы путем борьбы против когда-то сильнейшей державы на континенте.

Так в свое время – путем многих войн – Англия привела к гибели Испанию.

Так вела она свои войны против Голландии.

Так – с помощью всей Европы – боролась она позже с Францией.

И так в конце столетия начала она политику окружения тогдашней Германии, а в 1914 г. – мировую войну.

Только вследствие внутреннего разлада Германия в 1918 г. оказалась слабейшей.

Последствия были ужасны.

После того, как в начале лицемерно говорилось, что борьба велась исключительно против Кайзера и его режима и после того, как германские войска сложили оружие, началось планомерное уничтожение германского государства. В то время, как слова одного французского государственного деятеля, что в Германии существует излишек 20 миллионов людей, который – другими словами – должен был бы быть уничтожен посредством голода, болезней или переселений, по-видимому, сбывались буквально, национал-социалистическое движение начало свою работу объединения германского народа, а с этим началось и возрождение Германии.

Это новое освобождение нашего народа от нужды, бедствий и унижительного пренебрежения стояло под знаком внутреннего возрождения.

В частности, это не представляло собой угрозы для Англии, и ее не затрагивало.

Несмотря на это, сейчас же снова началась новая, преисполненная ненависти, политика окружения, направленная против Германии. Снаружи и внутри созданся известный нам комплот евреев и демократов, большевиков и реакционеров, единственной целью которого было воспрепятствовать восстановлению нового

германского национального государства и вновь повергнуть Германию в состояние бессилия и бедствия.

Наряду с нами ненависть этого интернационального, всемирного заговора была направлена против таких же обездоленных народов, которые были принуждены зарабатывать насущный хлеб в тяжелой борьбе за существование. Прежде всего, у Италии и Японии так же, как и у Германии, оспаривалось, если не совершенно отнималось, право участия в пользовании земными благами. Сплочение этих нации, таким образом, было лишь актом самозащиты против угрожающей им эгоистической всемирной коалиции богатства и силы.

Уже в 1936 г. Черчилль заявил, по словам американского генерала Вуда, [произнесёнными] перед представителями американской палаты депутатов, что Германия снова становится слишком могущественной и поэтому должна быть уничтожена.

Летом 1939 г. Англии казалось, что наступил момент, когда можно вновь начать разложение Германии путем всеобъемлющей политики окружения.

Система с этой целью созданной кампании лжи состояла в том, чтобы объявлять другие народы находящимися под угрозой, завлекать их в начале обещаниями английских гарантий и поддержки, а затем, как в мировую войну, заставлять их идти против Германии.

Таким образом, от мая до августа 1939 г. Англии удалось лансировать утверждение, что Литва, Эстония, Латвия, Финляндия, Бессарабия, а также Украина находятся под прямой угрозой Германии. Часть государств дала себя провести этим, приняла обещанные гарантии, предложенные попутно с этим утверждением, и таким образом перекинулась на новый фронт окружения, направленный против Германии.

При таких обстоятельствах я счел долгом перед своей совестью и перед историей германского народа не только уверить эти страны и их правительства в ложности сделанных Англией заявлений, но, сверх того, успокоить сильнейшую Восточную Державу путем специальных и торжественных заявлений относительно пределов наших интересов.

Национал-социалисты!

Вы все чувствовали в свое время, что этот шаг был для меня горьким и тяжелым. Германский народ никогда не питал враждебных чувств по отношению к народностям России. Однако свыше двух десятков лет еврейско-большевистская власть в Москве старается разжечь пожар не только в Германии, но и во всей Европе. Не Германия пыталась перенести свое национал-социалистическое мировоззрение в Россию, а еврейско-большевистские власти в Москве беспрестанно пытались навязать свое господство нашему и другим европейским народам и делали это не только в моральном смысле, но, прежде всего, также и в смысле военной мощи.

Однако последствиями деятельности этого режима были лишь хаос, бедствия и голод. В противовес этому, я старался в течение двух десятков лет с минимумом вмешательства и без всякого нарушения нашей продукции добиться нового социалистического порядка в Германии, который бы не только устранил безработицу, но также предоставлял прибыль труда в возрастающей мере трудящимся людям.

Достижения этой политики создания нового экономического и социального порядка в нашем народе, который, планомерно преодолевая сословные и классовые контрасты, стремится к конечной цели – создать истинную народную общность, являются единственными в мире.

Поэтому в августе 1939 г. для меня было тяжелым испытанием послать моего министра в Москву для того, чтобы попытаться работать наперекор английской политике окружения, направленной против Германии. Я сделал это исключительно в сознании своей ответственности по отношению к германскому народу, но, прежде всего, в надежде на возможность все же в конце достигнуть длительного примирения и уменьшения жертв, которые иначе могли быть от нас потребованы.

Наряду с торжественными заверениями Германии в Москве относительно упомянутых областей и стран – за исключением Литвы – как лежащих за пределами германских политических интересов, было достигнуто особое соглашение на случай, если Англии действительно удастся втравить Польшу в войну против Германии. Но также и здесь имело место ограничение германских требований, которое было не пропорционально достижениям германского оружия.

Национал-социалисты!

Результаты этого договора, желаемого мной и заключенного в интересах германского народа, были особенно тяжелы для немцев, живущих в затронутых им странах.

Более полумиллиона германских соотечественников – мелкие крестьяне, ремесленники и рабочие – были принуждены почти в течение одной ночи покинуть свою прежнюю родину, чтобы избежать нового режима, угрожающего им непосредственно беспредельными бедствиями, а раньше или позже полным уничтожением. Несмотря на это, тысячи немцев исчезли! Было невозможно даже установить постигшую их судьбу или же хотя бы их местопребывание. В их числе находятся свыше 160 человек германских подданных.

Я молчал в ответ на все это, так как я должен был молчать! Моим желанием было достигнуть окончательного примирения и, если возможно, длительного согласия с этим государством.

Однако, уже во время нашего похода в Польшу, советские власть имущие вдруг потребовали – противно договору – также и Литву.

Германия никогда не имела намерения занимать Литву и не только не ставила таких ультиматумов литовскому правительству, но, напротив, отклонила просьбу тогдашнего литовского правительства – прислать с этой целью германские войска как образ действия, не соответствующий целям германской политики.

Несмотря на это, я покорился и этому новому русскому требованию. Однако это было лишь началом новых шантажирований, которые постоянно повторялись с тех пор.

Победа в Польше, достигнутая исключительно благодаря германским войскам, побудила меня вновь обратиться к западным державам с предложением мира. **Оно было отклонено благодаря интернациональным и еврейским подстрекателям к войне.**

Однако причина этого отказа уже тогда заключалась в том, что Англия все еще надеялась быть в состоянии создать европейскую коалицию против Германии, включая в нее Балканы и Советскую Россию.

Так, в Лондоне было решено послать г. Криппса послом в Москву. Ему было поручено определенное задание вновь заняться англо-советскими отношениями и развивать их в английском духе. Английская пресса сообщала об успехах этого задания, поскольку ее не заставляли молчать тактические причины.

Осенью 1939 г. и весной 1940 г. проявились уже первые последствия. Приступая к военному порабощению не только Финляндии, но также и балтийских государств, Россия вдруг мотивировала эти действия в такой же мере ложным, как и смешным заявлением, что она принуждена защищать эти страны от чужой угрозы, которую она должна предупредить. Под этим могла подразумеваться только Германия. Ибо никакая другая держава не могла ни вторгнуться, ни вести войну в прибалтийских областях. И все же я должен был молчать. Однако власть имущие в Кремле сейчас же пошли дальше.

В то время, как Германия весной 1940 г. оттянула свои военные силы далеко от восточной границы и в большой мере даже вообще очистила эту область от германских войск – в силу так называемого дружеского договора – в это время началось стягивание русских сил в размере, который мог быть истолкован лишь как сознательная угроза Германии.

Согласно личному заявлению, данному тогда Молотовым, уже весной 1940 г. в одних балтийских государствах находились 22 русские дивизии.

Так как русское правительство всегда утверждало, что его пригласило само население, цель его присутствия там могла быть истолкована только как демонстрация против Германии.

В то время, как наши солдаты, начиная с 10 мая 1940 г. сломили франко-британскую мощь на западе, концентрация русских войск на нашем восточном фронте продолжалась, постепенно принимая все более угрожающие размеры.

Начиная с августа 1940 г., в интересах Германии, я не считал более возможным оставлять незащищенными наши и без того разоренные восточные провинции в виду этой могущественной концентрации большевистских дивизий.

Однако было достигнуто то, к чему стремилось англосоветское сотрудничество, а именно: **ввиду концентрации такого количества германских сил на Востоке, германские власти не сочли возможным предпринять радикальное завершение войны на западе, особенно в отношении воздушной борьбы.**

Это соответствовало, однако, целям не только английской, но также и советской политики. Потому что Англия, равно как и Советская Россия, намерены продлить эту войну как можно дольше, с целью ослабить Европу и повергнуть ее в еще большее бессилие.

Угрожающее выступление России против Румынии должно было также в конечном итоге послужить лишь тому, чтобы захватить в свои руки или же, по крайней мере, уничтожить важную опору не только германской экономической жизни, но и экономической жизни всей Европы. Однако, именно Германия, начиная с 1933 г., с бесконечным терпением старалась склонить юго-восточные государства к торговле с собой. Мы были поэтому в высшей степени заинтересованы в их государственной консолидации и порядке.

Вторжение России в Румынию и переход Греции на сторону Англии грозили в короткое время превратить также и эти области в общий театр войны.

Вопреки нашим принципам и обычаям, уступая настойчивой просьбе тогдашнего румынского правительства, которое было само виновато в таком развитии событий, я дал ему совет уступить настойчивым советским требованиям и отдать Бессарабию в целях сохранения мира.

Однако румынское правительство считало возможным обнаружить это перед своим народом лишь в том случае, если Германия и Италия, в виде возмещения, по крайней мере дадут гарантию, что оставшаяся часть румынского государства более не будет затронута.

С тяжелым сердцем я сделал это. Прежде всего, уже потому, что если Германия дает гарантию, то это значит, что она отвечает за нее. Мы не англичане и не евреи.

Таким образом, я думал в последний момент сохранить мир в этой области, даже несмотря на принятие на себя тяжелых обязательств. Однако с целью окончательно разрешить эти проблемы и установить ясность в вопросе русского отношения к Германии, а также под давлением постоянно усиливающейся мобилизации на нашей восточной границе, я пригласил г. Молотова приехать в Берлин.

Советский министр иностранных дел потребовал разрешения или же согласия Германии по следующим четырем вопросам;

1 вопрос Молотова:

Направлена ли германская гарантия Румынии в случае нападения Советской России на Румынию также и против Советской России?

Мой ответ:

Германская гарантия является общей и непременно обязывающей нас. Однако Россия нам никогда не заявляла, что она имеет интересы в Румынии, за исключением Бессарабии. Уже занятие Северной Буковины явилось нарушением этого заверения. Поэтому я не думал, что Россия теперь вдруг может иметь какие-либо дальнейшие намерения против Румынии.

2 вопрос Молотова:

Россия чувствует себя вновь под угрозой Финляндии. Россия решила долее не терпеть этого. Готова ли Германия не оказывать Финляндии никакого содействия и, прежде всего, сейчас же отозвать германские войска, направляющиеся на смену в Киркенес?

Мой ответ:

Германия, теперь, как и прежде, не имеет политических интересов в Финляндии. Однако германское правительство не может потерпеть новой войны России против маленького финского народа, тем более, что мы никогда не сможем поверить в угрозу Финляндии для Советской России.

Мы вообще не желаем, чтобы в Балтийском море вновь возник театр военных действий.

3 вопрос Молотова:

Готова ли Германия допустить, чтобы Советская Россия со своей стороны дала гарантию Болгарии и с этой целью послала в Болгарию советские войска; этим он, Молотов, хочет сказать, что они не имеют намерения по этой причине, например, устранить короля.

Мой ответ:

Болгария – суверенное государство, и я не знал, что подобно тому, как Румыния у Германии, Болгария вообще просила бы гарантии у Советской России. Кроме того, я должен обсудить это с моими союзниками.

4 вопрос Молотова:

Советской России совершенно необходим свободный проход через Дарданеллы, и она требует также для обеспечения его безопасности права занятия

нескольких важных опорных пунктов на Дарданеллах, а также на Босфоре. Согласна ли Германия на это или нет?

Мой ответ:

Германия в любое время готова дать свое согласие на изменение Статута Монтрё в пользу черноморских государств. Германия не согласна на присвоение русскими опорных пунктов в проливах.

Национал-социалисты!

Здесь я занял единственную позицию, которую я мог занять как ответственный вождь Германии, а также как ответственный представитель европейской культуры и цивилизации.

Последствием было усиление советской деятельности, направленной против Германии, и, прежде всего, немедленно начатое внутреннее разлагание нового румынского государства и попытка устранения болгарского правительства путем пропаганды.

При помощи увлеченных неопытных членов румынского легиона удалось инсценировать в Румынии путч, целью которого было свержение главы государства генерала Анто-неску и создание хаоса в стране, чтобы путем уничтожения законной власти устранить предпосылку для вступления в силу обещанной германской гарантии.

Несмотря на это, я все же считал лучшим хранить молчание.

Тотчас же после неудачи этого предприятия началась вторичная усиленная концентрация русских войск на германской восточной границе. Бронированные и парашютные части перебрасывались во все возрастающем числе непосредственно к германской границе. Германская армия и страна знают, что еще несколько недель тому назад на нашей восточной границе не находилось ни одной танковой или моторизованной дивизии.

Однако, если требовалось последнее доказательство, несмотря на все диверсии и маскировку, для подтверждения наличия тем временем создавшейся коалиции между Англией и Советской Россией, то оно было представлено югославским конфликтом

В то время, как я старался сделать последнюю попытку умиротворения Балкан и в дружеском сотрудничестве с Дуче пригласил Югославию присоединиться к Пакту трех держав, Англия и Советская Россия в совместной работе организовали путч, который в одну ночь устранил тогдашнее правительство, склонное к взаимопониманию.

Теперь может быть сообщено германскому народу, что сербский государственный переворот, направленный против Германии, произошел не только

под знаком английской, но главным образом под знаком советской агитации. Так как мы и тут хранили молчание, советское правительство предприняло еще один шаг. Оно не только организовало путч, но несколько дней спустя заключило всем известное дружеское соглашение с подвластными ему новыми „людьми“ с целью укрепить сербов в их оппозиции против умиротворения Балкан и возбудить их против Германии.

И это не было платоническим намерением:

Москва потребовала мобилизации сербской армии.

Так как и теперь я все еще считал лучшим не говорить, власть имущие Кремля сделали еще один шаг вперед:

Германское правительство имеет теперь документы, которые доказывают, что с целью окончательно завлечь Сербию в борьбу Россия обещала поставлять через Салоники оружие, самолеты, боеприпасы и прочий военный материал для борьбы против Германии.

И это происходило почти в тот самый момент, когда я сам дал совет японскому министру иностранных дел д-ру Мацуоке примириться с Россией в надежде послужить этим делу мира.

Только быстрый прорыв наших несравненных дивизий в Скопье, а также занятие Салоник, помешали намерениям этого советско-англо-саксонского комплота. Сербские военные летчики, однако, прилетели в Россию и были сейчас же приняты там как союзники. Только победа держав Оси на Балканах разрушила план впутать Германию этим летом в борьбу на Юго-востоке, длящуюся месяцы, а в это время закончить концентрацию советской армии, усилить ее боеспособность, чтобы потом совместно с Англией и с помощью ожидаемых американских поставок быть в состоянии задушить и раздавить Германию и Италию.

Этим самым Москва не только нарушила условия нашего дружеского пакта, но и изменила ему самым жалким образом. И все это происходило в то время, когда власть имущие Кремля до последней минуты официально, как и в случаях Финляндии и Румынии, лицемерно говорили о мире и дружбе и составляли с виду безвредные опровержения.

Однако, если до сих пор в силу обстоятельств я был принужден постоянно молчать, то теперь настал момент, когда дальнейшее созерцание являлось бы не только греховным упущением, но и преступлением по отношению к германскому народу и ко всей Европе.

Сегодня круглым числом 160 русских дивизий стоят у нашей границы. В течение многих недель происходит постоянное нарушение этой границы не только у нас, но также и на Крайнем Севере и в Румынии. Русским летчикам доставляет удовольствие беспечно не замечать этих границ, чтобы доказать нам этим, что они

уже чувствуют себя господами этих областей. В ночь с 17 на 18 июня русский патруль перешел на германскую территорию, и только после продолжительной перестрелки удалось принудить его уйти обратно. Теперь, наконец, настал час, когда становится необходимым выступить против этого комплота еврейско-англо-саксонских подстрекателей к войне и в такой же степени еврейских властей имущих большевистского московского центра.

В данный момент совершается поход, который по протяжению и объему является величайшим из виданных до сих пор миром. Вместе с финскими товарищами бойцы победителя при Нарвике стоят у Северного Ледовитого океана. Германские дивизии под командой завоевателя Норвегии защищают совместно с финляндскими героями свободы под предводительством их маршала финскую землю. От Восточной Пруссии до Карпат тянутся части германского Восточного фронта. На берегах Прута, у устья Дуная до берега Черного моря, под предводительством главы государства генерала Антонеску, соединяются немецкие и румынские солдаты.

Поэтому задачей этого фронта является уже не защита отдельных стран, а безопасность Европы, а с этим и спасение всех.

Поэтому я решил теперь отдать судьбу и будущее Германии и нашего народа снова в руки наших солдат.

Да поможет нам Господь Бог именно в этой борьбе!

подп.: Адольф Гитлер